

РАЙМОНД ПАУЛС

КСЕНИЯ ЗАГОРОВСКАЯ

**МУЗЫКА МОЕЙ ЖИЗНИ
ВОСПОМИНАНИЯ МАЭСТРО**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 78.071.1(474.3)

ББК 85.313(3)-8

П21

Паулс, Раймонд.

П21 Музыка моей жизни. Воспоминания маэстро / Раймонд Паулс, Ксения Загоровская. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 304 с. [ил.] – (Портрет Эпохи).

ISBN 978-5-17-083184-5.

Музыкант и композитор Раймонд Паулс – самый знаменитый латыш. Он родился и живет в Латвии, однако его произведения исполняются в лучших концертных залах стран бывшего СССР и зарубежья. Он визитная карточка, национальная легенда, символ Риги, Юрмалы, Латвии.

Основное место в произведениях Паулса занимают популярные песни, музыка к кинофильмам и спектаклям – Паулс написал более пятиста песен, музыку к тридцати фильмам, двадцати театральным постановкам, трем балетам, создал множество инструментальных произведений. Его произведения объединяют в себе народные, джазовые, блюзовые интонации, современные ритмы и чувство гармонии.

Он – отец латышской эстрады и мюзикла, вырастивший целую плеяду музыкантов. Человек, который получает удовольствие от музыки и щедро делится этим счастьем с другими. Заслуженный деятель искусств и народный артист, лауреат многих премий, кавалер многих орденов... Но звания, должности и регалии рядом с его именем упоминаются очень редко, почти никогда.

Он – Раймонд Паулс. Маэстро.

Этим все сказано. Для современников и для истории.

УДК 78.071.1(474.3)

ББК 85.313(3)-8

ISBN 978-5-17-083184-5.

© Ксения Загоровская, текст, 2016

© Игорь Гранковский, фотографии, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

УВЕРТЮРА

Раймонд Паулс – самый знаменитый латыш. Он визитная карточка, национальная легенда, символ Риги, Юрмалы, Латвии.

Композитор написал более 500 песен, музыку к 30 кинофильмам, 20 театральным постановкам, 3 балетам, создал множество инструментальных произведений. Он – отец латышской эстрады и мюзикла, вырастивший целую плеяду музыкантов и солистов. Человек, который получает удовольствие от музыки и щедро делится этим счастьем с другими.

Концерты Паулса оставляют незабываемое впечатление, заряжая энергией, заставляя отрешиться от будничных забот. Не случайно в Латвии говорят: «В каком театре аншлаг? Там, где играет Паулс!»

Маэстро всю жизнь много и радостно работает. Заниматься любимым делом – роскошь и высшая степень свободы. «Раньше я занимался разными неважными делами. А теперь только главным – только музыкой», – как-то сказал он.

Пять лет назад Раймонд Паулс решил не баллотироваться в депутаты парламента, но жители

Латвии упорно продолжают называть его самым популярным политиком.

Интервью Паулса в газете или на радио – всегда событие, потому что он говорит то, что думает, и это всегда честно, разумно и, главное, от души. Потом он искренне удивляется: «Почему меня все цитируют? Это же только мое мнение». Хотя как раз в этом все дело!

Композитор живет в центре Риги и его часто можно встретить на улице – на работу, на Латвийское радио, он ходит пешком. Конечно, все его узнают, но ажиотажа вокруг этого не устраивают и автографы не просят. Маэстро сам выбирает, с кем поздороваться, с кем поговорить, над кем пошутить.

Раймонд Паулс был министром культуры Латвийской Республики, депутатом Сейма Латвии трех созывов, он заслуженный деятель искусств и народный артист, лауреат многих премий, кавалер многих орденов...

Но звания, должности и регалии рядом с его именем упоминаются очень редко, почти никогда.

Он – Раймонд Паулс.

Маэстро.

Этим все сказано. Для современников и для истории.

РАЙМОНД ПАУЛС

ДЕТСТВО. ПЕРВЫЕ АККОРДЫ

Я родился в Риге в воскресенье, 12 января 1936 года. Мой друг и соавтор, поэт и дипломат Янис Петерс, когда писал мою биографию, выяснил, что день моего рождения выдался необычным – в разгар суровой зимы вдруг резко потеплело, и на Даугаве начался ледоход. Есть ли в этом символ? Я в такие вещи не слишком верю.

Мое детство прошло в Ильгюциемсе, рабочем районе столицы Латвии, на левом берегу Даугавы с живописным видом на шпили Старой Риги. Здесь находилось несколько крупных фабрик. Были и две пивоварни. Когда в конце рабочего дня звучала заводская сирена, жены и дети, стоя у забора, встречали добытчиков, мужей и отцов.

Но этот промышленный район в то же время очень напоминал деревню. Дощатые домишки были окружены огородами, на которых семьи рабочих текстильной, кожевенной, стекольной, пивоваренной фабрик выращивали к столу картошку

и лук. Одно из самых моих ярких воспоминаний детства – огромные желтые тыквы лежат на кучах компоста... Была во всем этом своя романтика.

Наша семья держала козу, корову, свиней – полное натуральное хозяйство. Мы, дети, помогали в огороде, таскали на рынок корзины с ягодами. У многих не было электричества. У нас, правда, было.

Сейчас этого района больше нет. На его месте выросли кварталы кирпичных «хрущевок». Однажды телевизионная съемочная группа из России отвезла меня в места моего детства, на улицу Нордекю 8. Все так изменилось. Я только по могучему дубу и узнал место, где когда-то стоял наш дом. Много времени прошло, многое изменилось...

Мой отец и дед были рабочими, стеклодувами. Дед, его звали Адольф, пришел на фабрику – даже трудно поверить – в ...восемь лет. Он любил музыку и даже сам научился играть на скрипке.

Отец работать начал позже, ему «уже» исполнилось 15. Работа стеклодува тяжелая и вредная для здоровья, но и зарабатывали стеклодувы больше, чем другие. Они выдували очень красивые вещи – вазы, конфетницы, бутылки – необыкновенных, ярких, цветов.

Потом отец подался в слесари, с этой работы и на пенсию ушел – намного позже положенного срока. Да и на заслуженном отдыхе продолжал неутомимо хлопотать по дому – ремонтировал, подкручивал, чинил... Сидеть сложа руки он так до последнего дня не научился. А еще писал стихи,

играл в музыкальном ансамбле и страстно верил в лучшее будущее для нас с сестрой, которых считал самыми талантливыми. Трудно сказать, то ли он разглядел в нас, маленьких, божью искру, то ли она появилась в нас, благодаря его вере.

Мою маму звали Алма Матильда Броделе. Она родилась на селе, в местечке Светциемс, это примерно в 130 километрах от Риги. Два класса начальной школы так и остались ее единственными «университетами». В 1931 году девушка отправилась на заработки в Ригу. Вместе с подружкой они сняли комнатку. Городскую жизнь мама начала с того, что поступила в обучение к модной рижской портнихе. Она занималась тонкой работой – вышивала бисером и жемчугом нарядные платья и блузки. А ее клиенткой была Александра Паулс, моя бабушка. Так пересеклись их пути...

Девичья фамилия моей бабушки Александры – Четынник. Наше семейное предание гласит, что она сербского происхождения. В семье было пятеро детей: старший – Владимир, или Волдемар, мой отец, Лидия, Василий, Адольф и Ольга.

Бабушке Александре приглянулась трудолюбивая приветливая девушка, которая ловко управлялась в швейной мастерской. Она взяла ее себе в помощницы – по дому и в мелочную лавочку, которую держала много лет. В ней можно было купить все, что нужно для нехитрого быта, – керосин, мыло, селедку.

**Раймонд
в раннем детстве.**

**Родители композитора – Алма Матильда
и Волдемар Паулс.**

Раймонд с отцом. Рига, 1930-е годы.

**Раймонд получает первую грамоту в школе.
Рига, 1940-е годы.**

Через год работница стала невесткой – старший сын Волдемар сделал Алме предложение. Моя мама была старше отца на восемь лет, и соседи судачили, будет ли их брак долговечным. А они полвека прожили вместе, вырастили двоих детей – меня и сестру Эдите, которая стала известным в Латвии мастером гобеленов. Отец был лютеранином, мать православной, и поэтому каждый ходил в свою церковь. Но семейного покоя это не нарушало.

Когда я был маленьким, мы жили бедно... Сколько я себя помню, мама не покладая рук хлопотала по хозяйству. Одевала нас аккуратно, даже нарядно. Помню, у нас дома всегда были запасы соли, муки, лука – на черный день, чтобы, если вдруг кончится, не пришлось у соседей одалживать. Мама просить не любила.

До сих пор вспоминаю, какие вкусные клецки и картофельные блинчики она готовила. С тех пор мои вкусы мало изменились – любым лакомствам я предпочитаю ржаной хлеб с салом и луком, свиную отбивную с жареной картошкой и суп с фрикадельками.

Я был вторым ребенком в семье. Мой старший брат, Гунар, умер, когда ему было четыре месяца, после этого в сердце родителей навсегда поселился страх за детей. Мы с сестрой всю жизнь чувствовали это трепетное отношение родителей к нам, хотя они и не говорили об этом вслух. Обладая прекрасным голосом, мама почти никогда не пела, редко улыбалась – будто боялась накликать несчастье.

Даже когда я уже стал довольно известным музыкантом и обо мне стали писать в газетах, мама не столько радовалась этому, сколько тревожилась: как бы не случилось беды.

При рождении мне, по латышскому обычаю, дали два имени – Ояр Раймонд. Но Ояром меня никогда не называли. Может, потому, что так звали соседского быка – огромного, черного, страшного, и ассоциации были не подходящие. Мать настояла, чтобы в школу меня записали как Раймонда Паулса.

Я рос под звуки музыки. Мой отец унаследовал от своего отца, моего деда, слух и любовь к музыке. Вместе с друзьями и соседями отец создал самодельный ансамбль «МиХаВо». Название сложили из имен участников (Михаил–Харий – Волдемар). Михаил играл на гитаре, Харий на скрипке, а Волдемар, мой отец, – на барабане. Репетиции проходили у нас дома.

Отец с Михаилом и Харием играли на свадьбах и вечеринках – для это было и удовольствие, и приработок. Исполняли романсы («Очи черные» пользовались особым успехом среди местной публики), танго, фокстроты и даже мелодии из оперетт. Музыкантов знал весь район.

При других обстоятельствах и дед, и отец наверняка бы стали профессиональными музыкантами. Но тогда у них выбора не было – приходилось много работать. Отец окончил всего шесть классов, и музыка для него была только увлечением.

Родители часто надеются, что их мечты исполнятся у их детей. Вот и мой отец твердо решил, что я стану музыкантом, причем, известным музыкантом. И, как видите, он оказался прав...

Отец не раз перечитывал книгу Артура Кюберта «Паганини», в которой рассказывалось о становлении юного гения. Будущий скрипач норовил увильнуть от занятий, но его отец не позволял ему отклониться от цели, и, в конце концов, тот полюбил музыку и даже прославился.

Мой отец твердо решил следовать этому примеру. Он свято верил, что если много работать, то успех непременно придет. Волдемар Паулс часто говорил, что упорства для достижения цели не хватает, прежде всего, родителям, а не детям. В себе он был уверен – знал, что у него-то терпения хватит.

Мне было всего три с небольшим года, когда отец купил мне скрипку и за руку повел навстречу Музыке. В Риге, на улице Элизабетес, при Рижском музыкальном институте был детский сад, тоже музыкальный. Как скрипача меня сразу забраковали – педагоги сказали, что пальцы у меня слишком короткие. А вот играть на фортепиано можно попробовать научить.

Отец начал копить деньги на инструмент. Пианино стоило 600 латов (около 1000 долларов), и, по тем временам, то была бешеная сумма. Но нам повезло – пианино удалось купить недорого. Как раз в это время из Латвии на постоянное жи-

тельство в Германию уезжали балтийские немцы, и многие распродавали имущество. У них отец и купил пианино...

Когда к нам в дом привезли это черное белозубое чудовище, я сразу понял, что пропал: теперь мне придется играть на нем постоянно, и вечерами, и по выходным. А мне, понятное дело, больше хотелось с мальчишками во дворе мячик гонять. Сидеть одному в комнате и стучать по клавишам, сверяясь с нотами, мне было скучно, и я торопился поскорее покончить с надоевшим занятием. Задумавшись, я, бывало, отступал от нот и, чтобы отец, который внимательно слушал мои упражнения, не заметил сбоя, восполнял пробелы самостоятельно. Наверно, это и был мой первый опыт как композитора.

В первый класс я пошел уже в военное время, в 1943 году. Школа, 7-я начальная, была рядом с домом, на той же улице. В свое время ее окончил и мой отец.

Ригу бомбили, в городе то тут, то там возникали пожары. Сгорели Дом Черноголовых на Ратушной площади в центре Риги, сейчас он восстановлен. Горела текстильная фабрика по соседству, в Ильгюциемсе.

Брата моего отца, Василия Паулса, призвали в Красную армию, он ушел на фронт и вскоре пропал без вести. Только через много лет, уже после окончания Второй мировой войны, мы узнали, что он погиб в боях под городом Наро-Фоминском.

Другого моего дядю призвали в немецкую армию. Типичная и очень болезненная для Латвии история, когда родные люди оказывались по разные стороны фронта.

Отца же на фронт не взяли. Ему полагалась бронь, и он продолжал работать на фабрике, но поскольку в городе становилось все опаснее, он отправил жену и нас, детей, в более безопасное место – на село, в местечко Видрижи, где жила сестра моей матери. Оказавшись деревне, я был счастлив. Кругом раздолье, поля, лес, да еще рояль остался дома, и больше не нужно просиживать за ним часами.

По выходным отец приезжал навестить нас, и всегда просил соседей, у которых было пианино, разрешить мне поиграть. Я играл, а он сидел и слушал... Потом он снова на неделю уезжал в город. Я же по своей воле за соседский рояль не просился, и мама не настаивала.

В то время я чуть не погиб. Пока взрослые занимались хозяйством, мы, дети, развлекались, как умели. Например, часто бросали в костер патроны, которые в огромных количествах валялись на окрестных лугах и в рощах. Они взрывались, а мы смотрели – такое вот развлечение. Сейчас такое даже трудно представить. Другая была реальность.

И однажды рвануло всерьез... Взрывом мне обожгло глаза, я тер их и ничего не видел, не понимал, что происходит. В каком ужасе были мама и бабушка, когда я прибежал домой, описать труд-

---

«В чудеса я никогда не верил.
Мне в жизни ничего не давалось легко».

Р. Паулс
